

ПРОФЕССУРА КУБАНСКИХ ВУЗОВ В УСЛОВИЯХ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ 1920-Х ГГ.

А. С. Пасилецкая

Пасилецкая О. С. Профессори кубанських вузів в умовах суспільного контролю 1920-х рр. Після встановлення радянської влади наукова інтелігенція опинилася в непростих умовах нової держави і суспільства. У статті розглядаються механізми впливу на вузівську професуру в 1920-і рр. На прикладі кубанських вузів ми простежимо, як тотальний контроль, трансляція ідей «співпраці», нового дискурсу і знань реалізовувалися на практиці. Особлива увага приділяється способам тиску на наукову інтелігенцію за допомогою різних соціальних груп.

Ключові слова: наукова інтелігенція; вища школа; студентство; радянське суспільство.

Пасилецкая А. С. Профессура кубанских вузов в условиях общественного контроля 1920-х гг. После установления советской власти научная интеллигенция оказалась в непростых условиях нового государства и общества. В статье рассматриваются механизмы воздействия на вузовскую професуру в 1920-е гг. На примере кубанских вузов мы проследим, как тотальный контроль, трансляция идей «сотрудничества», нового дискурса и знаний реализовывались на практике. Особое внимание уделяется способам давления на научную интеллигенцию посредством различных социальных групп.

Ключевые слова: научная интеллигенция; высшая школа; студенчество; советское общество.

Pasiletskaya A. S. Professors of the Kuban Higher Education Institutions in the Conditions of Public Control of the 1920s. After establishment of the Soviet power the scientific intellectuals have appeared in difficult conditions of the new state and society. In the article mechanisms of impact on high school professorate in the 1920s are considered. On the example of the Kuban higher education we will track as total control, broadcast of the ideas of “cooperation”, a new discourse and knowledge were implemented in practice. Special attention is paid to ways of pressure upon the scientific intellectuals by means of various social groups.

Keywords: scientific intelligence; high school; students; soviet society.

1920-е гг. – это один из наиболее насыщенных периодов новейшей отечественной истории, которому присущи процессы трансформации, характерные для всех сфер жизни общества. Смена государственного строя и режима повлекла за собой изменения и в социальной организации. Предстояло создать не просто новое государство, но и совершенно иное общество со своей структурой, организацией, системой взаимоотношений, а также «нового человека». Однако новое общество состояло из «бывших людей»¹ с характерным им мировоззрением и восприятием окружающей действительности. Одной из таких групп являлась научная интеллигенция, которая оставалась носителем прежних социокультурных взглядов и ценностей. На примере кубанской высшей школы мы рассмотрим проблему сосуществования дореволюционной профессуры и советского общества в условиях новой страны и власти.

Вопросы, связанные с постреволюционными процессами в жизни интеллигенции в 1920-е гг., представлены достаточно широко в отечественной историографии. Ее особенность заключается в том, что большая часть работ написана уже в постсоветский период и посвящена отдельным ключевым проблемам. Одни из первых работ С. А. Федюкина, В. Л. Соскина, где рассматривается процесс перехода старой научной интеллигенции на позиции поддержки советской власти, появляются в 1970–1980 гг. Завершение процесса, по мнению ученых, приходится на вторую половину 30-х гг.²

Октябрьская революция 1917 г. стала тем основным событием, после которого отмечается идеологическое размежевание научной интеллигенции. А. В. Квакин объясняет это тем, что политика новой власти была направлена на искоренение плюрализма мнений, что еще больше обостряло ситуацию³. В. Т. Ермаков отмечает, что говорить об уничтожении дореволюционной российской интеллигенции в годы советской власти не право-

мерно, также как и об утрате ее прежних ценностей⁴. Автор подчеркивает наличие преемственности дореволюционных и советских ученых. Подобного мнения придерживается О. Ю. Олейник, уточняя, что разнородность мировоззренческих позиций не должна абсолютизироваться⁵.

Исследуя взаимоотношения власти и интеллигенции, И. В. Сибиряков акцентирует на то, что изначально мнения ученых не были определенными. Они стремились найти особую, самостоятельную, нравственно оправданную позицию в сложных отношениях с властью⁶. Подобной проблемы касается и А. В. Квакин в монографии «Между белыми и красными...»⁷. Он дает анализ деятельности русской интеллигенции, характеризует ее поиски дальнейшего пути существования. Но основное внимание автор уделяет писателям и философам, которые оказались в эмиграции. О способах выживания и адаптации интеллигенции в России ученый пишет более подробно в работе «Идейно-политическая дифференциация российской интеллигенции в период НЭПа, 1921–1927 гг.»⁸. Данная проблема нашла отражение и в работе А. Н. Еремеевой⁹, где основное внимание уделяется условиям, в которых оказалась интеллигенция.

Основу нашего исследования составили источники организационного характера – материалы по учреждению или реорганизации вузов в Краснодаре, в частности, политехнического института¹⁰. Такого рода документы позволяют рассмотреть внутреннюю организацию высших учебных заведений, в каких условиях они создавались и функционировали в дальнейшем. Так же были использованы документы, демонстрирующие деятельность органов государственной власти и управления, организаций и учреждений. К подобного рода источникам относятся протоколы заседаний правлений институтов¹¹, Совета по делам народного просвещения¹², проверки вузовских ячеек ВКП (б) и педагогического персонала¹³, президиума Краснодарского исполнительного комитета¹⁴.

Выделим также материалы, которые освещают реализацию управленческой деятельности: инструкции по очистке учреждений от чуждого элемента¹⁵, постановления руководителей учреждений или руководящих органов. Например, распоряжения Народного комиссариата просвещения о работе вузов¹⁶. Для более подробного рассмотрения процесса реализации принятых властью решений в отношении интеллигенции использованы доклады и отчеты. А именно – отчеты о состоянии и деятельности вузов¹⁷, доклады в краевое правительственное по делам народного просвещения¹⁸, отчеты комиссии кубокружка ВКП (б) по обследованию вузов¹⁹. В них освещается ход выполнения проделанной работы, а также приводятся итоги деятельности организаций.

В первые годы Гражданской войны «белый» юг страны охватила волна прибывающих мигрантов. Несмотря на то, что Кубань еще не имела учреждений высшего образования, сюда устремились от большевистской власти в центре страны представители научной интеллигенции. Концентрация столичных ученых способствовала становлению высшей школы в крае. Социальный статус приезжего профессора очень быстро возрос от простого мигранта до учредителя вузовского образования. Первые открытые институты стремились упрочить свое положение, имея в своем составе видных ученых страны. Это способствовало все большему притоку научной интеллигенции в Екатеринодар. Нужно отметить, что для немалого числа столичных преподавателей подобное приглашение было своевременным. Для столичной интеллигенции трансформации постреволюционного времени виделись крахом академических традиций, университетской системы и науки в целом. Многие ученые ощущали свою ненужность для новой власти и общества. В связи с этим они, не задумываясь, меняли положение угнетенного ученого на востребованного профессора, пусть даже и провинциального института.

Однако в марте 1920 г. произошла ликвидация Кубанского казачьего правительства и установление большевистского. Смена власти незамедлительно отразилась на зарождающейся системе высшего образования в регионе. Политика советского правительства касательно высшей школы состояла не только в подчинении себе имеющихся учреждений. 1920 год стал началом стихийного открытия вузов, не во всех случаях жизнеспособных. Уже после первого года пребывания большевиков у власти в Краснодаре насчитывалось четыре высших учебных заведения: Кубанский государственный университет, Институт народного образования и два политехнических института²⁰. Однако одного стремления и соответствующих директив для развития высшей школы было недостаточно, так как

условия жизни в городе были удручающими: жилищно-продовольственный кризис, нехватка финансового обеспечения и аудиторных помещений, учебного и вспомогательного оборудования и т.д. А главное, подозрительное отношение большевиков к академическим работникам за три года после революции не изменилось.

Смена политической элиты повлекла за собой переоценку социально значимых групп общества. Если в 1918–1919 гг. научная интеллигенция имела важное социально-культурное значение для Кубани в качестве кадровой основы высшего образования, то с установлением советской диктатуры присутствие здесь столичной профессуры рассматривалось как бегство буржуазии от центральной рабоче-крестьянской власти. Кроме того, на протяжении всего периода «контрреволюции» профессора в большей или меньшей степени сотрудничали с деникинским и казачьим правительствами. Компетенции ученых оказались востребованы не только в сфере народного образования и науки, но и в различных министерствах, управленческих структурах, пропагандистских органах²¹. Такая концентрация старой интеллигенции в образовательных и иных учреждениях не отвечала интересам советской власти. Для нового государства нужны были обновленные педагогические кадры с соответствующей идеологией, но не эти ученые, бежавшие от революции из центра страны на периферию.

Обратная волна миграции интеллигенции, но уже с Кубани в 1921 г., показала всю непродуктивность, а главное, пагубность практических действий исполнительной власти Кубано-Черноморья. Утратив свой прежний социальный статус, часть научной интеллигенции возвращалась в столичные вузы. Решение было продиктовано тем, что Москва и Петроград уже пережили основные волны анархии в первые постреволюционные годы. Кубань же только вступила в процесс установления большевистской диктатуры со всеми вытекающими последствиями: выселения, уплотнения, обыски, грабежи, аресты и т.д. Но все же угроза закрытия вузов вследствие нехватки кадрового состава послужила причиной для ослабления давления на научную интеллигенцию. Областное руководство остро ощущало потребность в научных работниках, а оставшиеся в Краснодаре ученые, в свою очередь, понимали, что, находясь в подконтрольном положении, им необходимо найти тот баланс, который позволит жить и работать при советской власти.

Ко второму году НЭПа советская власть постепенно пришла к пониманию всей неэффективности прямолинейной и жесткой политики в отношении интеллигенции. По мнению М. Дэвида-Фокса, 1922 год – это время снижения скорости движения к утопии. Предлагалось постепенно менять социальный состав высшего образования вместо разрушения старого мира «до основания». Технические и естественные науки пришлось оставить в покое, но все внимание в научно-образовательной сфере было по-прежнему приковано к лояльности профессоров²². Строительство нового государства предполагало наличие квалифицированных инженеров, врачей, физиков, химиков и т.д. Но на пути к созданию «советского ученого» необходимо было пережить этап его воспитания. Для достижения этой цели виделся только один путь – сотрудничество. Пренебречь услугами имеющейся профессуры для большевиков было бы опрометчиво, хоть она и была идеологически чуждой.

Жесткая политика новой власти в отношении интеллигенции в 1920–1921 гг. привела лишь к нехватке кадрового состава в академической среде и каких-либо положительных результатов не дала. С 1922–1923 гг. был взят курс на скрытое выявление настроений профессуры и использование механизмов непрямого воздействия на нее, в частности, пропаганды идеи сотрудничества власти и интеллигенции. В начале 1920-х гг. проводились тематические митинги с участием известных представителей академической среды. Так, в Москве состоялась открытая лекция профессора Н. А. Гредескула, чьи взгляды постепенно менялись от правых конституционно-демократических в сторону большевистской доктрины. Выступление ученого свелось к выводу, что часть русской интеллигенции уже прозревает, остальные также не должны идти против течения истории²³. Подобного рода лекции проходили и в Краснодаре. Во время митинга трудовой интеллигенции в июне 1920 г. приглашенный профессор А. В. Багрий выступил с лекцией о жизни интеллигенции в советской стране. Ученый выделил три периода: первый – период недоверия к большевикам; второй – улучшение взаимоотношений, когда интеллигенция пошла на работу в качестве специалистов. Третий же, по мнению профессора, был периодом тесного

и совместного сотрудничества²⁴. Все это в ярких тонах освещалось прессой – рупором советской власти, это должно было создать видимость мирной атмосферы, а также донести до интеллигенции идею о взаимной необходимости. Правительству требовались квалифицированные специалисты, а ученым – возможность спокойно жить и работать при новом строе.

Идеологической трансляцией процесс подчинения ученых властям не ограничился. С первых месяцев своего существования большевики внедрили в практику заполнение различных анкет для отслеживания социального состава вузовской среды, выявляя чуждых для себя представителей. Относительно ученых их интересовали сведения о сословной принадлежности, месте работы и занимаемой должности до и после революции, членство в партиях и пр.²⁵. Параллельно с профессорским составом, осуществлялась проверка на лояльность и студентов. Но если научно-педагогические кадры заменить пока было нечем, то молодежная среда намного быстрее и проще поддавалась кадровой корректировке. Для вузов 1920-х гг. характерной чертой являлось наличие философских, литературных и прочих кружков и обществ, которые вошли в светскую жизнь еще в дореволюционной России. Членами этих кружков были как студенты, так и преподаватели. С установлением советской власти подобные объединения были запрещены или находились под чутким надзором. Свободная философия, политика, литература, религия постепенно становились запретными, неофициальными, но для части русской интеллигенции, особенно для молодежи, было важно иметь свое мнение и возможность его высказать²⁶.

Свободомыслие академических кругов не обошло стороной и Краснодар. Политехнический институт, хоть и был открыт незадолго до прихода большевиков, но уже успел «привыкнуть» к автономии. Здесь, как в Москве или Петербурге, был организован студенческий кружок «Союз семи папирос». Это было объединение творческой и, по тем временам, вольнодумствующей молодежи. Они издавали свои журналы, где печатались в основном лирические стихи, устраивали собрания, которые именовались «головакружительными вечерами»²⁷. Но главное их «преступление» в глазах властей было в том, что это была молодежь, которая сохранила критический взгляд на происходящее в стране и не выкрикивала большевистских лозунгов. Как писала советская пресса, «они ушли с головой в прежний академический курс, отгородившись от новой жизни и советской действительности»²⁸.

Уже в феврале 1921 г. студенты Политехнического института (КПИ) привлекли особое внимание властей. В областном отделе народного образования стало известно о настроениях студентов Института после общестуденческого собрания, где прозвучали критические высказывания против политики советского правительства. Кроме того, в отделе народного образования (областном отделе народного образования) были осведомлены об устраиваемых «вечерах» в стенах КПИ, которым сразу же придали антисоветское и «архи-буржуазное содержание». Реакция властей была однозначной. Кубано-Черноморский ревком постановил произвести перерегистрацию студентов под углом политического критерия. Иными словами, последовала «чистка» студенческой молодежи. Профессорам института вменялось в обязанность оказать моральное влияние на студентов, а также воздействовать на их руководителей. После чего было произведено расследование по поводу выступления и организации нелегальных собраний, встреч и вечеров с последующим привлечением виновных к ответственности²⁹.

Упомянутая выше «перерегистрация» объяснялась властью как проверка уровня академической подготовки студентов. На самом деле проверялась не столько степень усвоения вузовских предметов, сколько политическая лояльность студентов. Все проверяемые студенты должны были заполнить анкеты с характерными вопросами – о социальном положении, профессии родителей, об отношении к советской власти, о прочитанной современной политической литературе³⁰ и т.д. Историк А. Ю. Рожков выделяет четыре волны крупномасштабных студенческих «чисток» – 1922, 1924, 1925, 1929 годов³¹. Обычно в 1920-е гг. вузовские проверки начинались в центре, затем охватывали периферию. Однако в 1922 г. органы местной власти в Краснодаре предвосхитили инструкцию Главпрофобра по перерегистрации студентов вузов³². Означенная выше перерегистрация февраля 1921 г. была уже повторным актом в отношении студентов кубанских вузов, и воспринималась городской интеллигенцией как выдворение из высшей школы идеологически чуждого сту-

денчества³³. Таким способом власти пытались искусственно увеличить рабоче-крестьянскую прослойку в вузах, создавая тем самым опору для дальнейшего подчинения себе «буржуазной» академической среды.

Часть стихийно созданных в 1920–1921 гг. вузов Краснодара оказались на грани закрытия, так и не успев начать полноценный учебный процесс. Крупные вузы были преобразованы в профильные учебные заведения. Кубанский университет, открытый в сентябре 1920 г., прекратил свое существование уже через полтора года. Устоять смог только медицинский факультет, который в 1921 г. был реорганизован в мединститут во главе с профессором Н. Ф. Мельниковым-Разведенковым³⁴. Позднее, в 1923 г., на основе госуниверситета был создан Кубанский высший педагогический институт³⁵. Сельскохозяйственный факультет КПИ³⁶ был преобразован в институт (КСХИ). Основная инициатива в этом принадлежала научно-педагогическому составу – профессорам М. Е. Подтягину, Н. А. Ленскому, А. А. Малигонову, С. А. Захарову, П. И. Мищенко, А. И. Дрбоглаву и др. Первым ректором сельхозинститута стал А. А. Малигонов, которого в 1924 г. сменил Н. А. Ленский³⁷. Отметим, что вуз достаточно быстро развивался и расширялся, открывались новые направления, специализации и кафедры. Менее чем за семь лет сельскохозяйственный институт превратился из факультета в полноценный аграрный вуз. Все это говорит о том, что когда власть оставила свои масштабные планы ускоренного вузовского строительства и перешла к поддержке действительно сформировавшегося потенциала, то учреждение новых вузов стало приносить более ощутимые результаты. При этом нельзя забывать, что такая поддержка в те годы была возможна не для всех вузов. В приоритете у власти были аграрные, медицинские и педагогические учебные заведения.

Однако сотрудничество власти и интеллигенции не было безоблачным. Пролетарское студенчество осуществляло внутренний контроль учебного процесса и наблюдало за «буржуазными» преподавателями. О всевозможных несоответствиях установленным нормам со стороны «консервативной» академической среды власть узнавала незамедлительно. Так, в 1923 г. студент КСХИ Соколов, являвшийся по совместительству студкором, в критическом очерке «Учебная чехарда» осветил теневые стороны внутренней жизни института. Он утверждал, что в Кубанском сельхозинституте не имелось какого-либо строго учебного плана, чтение лекций и проведение практических работ было хаотичным. По мнению студента, хуже всего дело обстояло с выполнением лекторами своих обязанностей. Выводы активиста, как и вся статья, были категоричными: «Если учебная часть института не может изжить этого, то исполбюро должно помочь»³⁸.

В том же 1923 г. в сельскохозяйственном техникуме после коллективной жалобы членов студенческого совета (в основном комсомольцев) был уволен преподаватель геодезии В. И. Прокофьев. Учащиеся дали ему довольно нелестную характеристику – и как лектору, и как человеку. Со слов студентов, преподаватель был малокомпетентным в своем предмете, так как лекции не выходили за рамки учебника. Его высокомерное отношение к учащимся, склонность к фальши, а также «узкомещанская идеология» – все это веские причины, по мнению студсовета, для увольнения В. И. Прокофьева³⁹. Недоверие пролетарского студенчества к дореволюционной профессуре с каждым годом нарастало. Суть его достаточно ярко выразил рабочий Леронин в своем обращении к интеллигенции: «Вам не нравится коммунизм потому, что он хочет подрывать человеческое достоинство. Вы считаете себя лучше других потому, что образованнее? Полноте, так ли?»⁴⁰.

Характерный конфликт на классовой почве произошел в 1923 г. в сельскохозяйственном техникуме между его научными сотрудниками и рабочими совхоза «Круглик», принадлежавшего техникуму. В газете «Голос рабочего» вышла статья «Хваленый Круглик», где один из рабочих А. Страдальцев представил обвинения директору техникума М. М. Евдокимову, заведующему полеводством В. С. Пустовойту и другим членам администрации. В статье говорилось о недоброжелательном отношении руководства к рабочим, которые находились в бесправном положении, не имея ни права голоса, ни собственного мнения⁴¹. Направленная комиссия никаких нарушений не выявила⁴², но наличие газетной статьи стимулировало проявление классовой нетерпимости в техникуме. Солидарные с рабочими студенты во время практических занятий в совхозе отказывались выполнять задания преподавателей, нарушали субординацию и порядок учебного процесса. С другой стороны, трудовая дисциплина рабочих «Круглика» была полностью

дезорганизована, наблюдались протестные настроения и неподчинение научно-техническому персоналу⁴³. Несмотря на положительные решения комиссии в пользу руководства техникума, политический эффект статьи вынул М. М. Евдокимова и В. С. Пустойта оставить свои должности⁴⁴.

Как видно из вышеприведенных примеров, условия социальной напряженности обеспечивали власти осуществление контроля и давления на научную интеллигенцию. Но для центральной власти положение на местах виделось неудовлетворительным. В 1924 г. ЦК РКП признал необходимым немедленно усилить преподавательский персонал вузов коммунистическими силами. Для проведения этой директивы местным организациям рекомендовалось привлекать к преподаванию в вузах в порядке выполнения партийных обязанностей членов партии, независимо от того, какую работу они выполняли ранее⁴⁵. По итогам проверки вузов края 1925 г. были сделаны выводы о наличии реакционных настроений среди профессуры, особенно руководящего состава институтов. Как было отмечено в докладе, «они наиболее активны, особенно в академическом отношении. Вторая часть бесформенная, преподаватели имеют левое течение, но не представляют значения, так как находятся в полной зависимости от правящей части»⁴⁶.

Преподавательский состав продолжали ежегодно подвергать проверкам на предмет политической благонадежности. В течение 1927/28 учебного года из Кубанского пединститута было уволено 10 преподавателей: М. В. Ключков, А. Ф. Лещенко, А. В. Звягинцев, И. Ф. Чирцев и др. Это дало определенный результат для увеличения партийной прослойки. Из 39 преподавателей членов ВКП (б) было шестеро, соответственно беспартийных – 33⁴⁷. По сравнению с 1924 годом в процентном соотношении коммунистов теперь стало больше, благодаря значительным сокращениям непартийных преподавателей. Однако искусственно созданный прирост не удовлетворял ожиданий власти. Большевики понимали, что еще не один и не два года потребуется для того, чтобы избавить вузы от дореволюционной интеллигенции. Ведь эти ученые, бежавшие на Юг и оставшиеся здесь после ухода «белых», были до сих пор основным персоналом вузов. Как отмечалось в отчетах, именно они продолжали определять «физиономию научных работников» этих институтов и оказывали известное влияние на студенчество⁴⁸. Краевые и окружные комиссии выделяли целый комплекс недоработок по краснодарским вузам. Отмечалось, что кроме воздействия идеологически чуждых преподавателей на студенческую молодежь, проводился «недостаточно осторожный» подбор учащихся в институты, что изначально приводило к увеличению числа социально нежелательных элементов⁴⁹. Они, как считалось, как раз и были наиболее восприимчивы к антисоветским взглядам и убеждениям.

Часть благонадежных студентов продолжала выполнять осведомительную функцию для дальнейшего контроля над педагогическим персоналом. Например, на педагогическом рабфаке оценка работы преподавателей проводилась два раза в год. Первая – студентскими группами на групповых собраниях под председательством заведующего учебной частью. Вторая – предметными комиссиями, без участия студентов. По получении сведений о работе преподавателей, как предметными комиссиями, так и студентами, учебная часть выносила обобщенное мнение об оценке работы того или иного преподавателя. Президиум в конце учебного года на основании представлений учебной части производил всестороннюю оценку работы каждого преподавателя⁵⁰.

Стоит отметить, что характеристика от студентов оказывала немалое влияние на конечные выводы о работе преподавательского состава. Так, в процессе проверки за 1928/29 учебный год выяснилось, что не все сотрудники пригодны для работы на рабфаке. Например, преподаватель истории классово-борьбы Д. П. Шилов, по мнению студентов, оказался «идеологически невыдержанным», в силу чего и был переведен на преподавание русского языка. Факт посещения церкви Шиловым вызвал возмущение со стороны студентов⁵¹. Студенты жаловались и на преподавателя Бурыкина, который «шел по линии наименьшего сопротивления». Руководил якобы не он работами в группе, а отдельные студенты, в силу чего нарушался учебный процесс. Не удовлетворял студентов и «слишком медленный темп его работы, вытекающий из характера самого преподавателя»⁵². За этими оценками от студенческих групп также последовало увольнение преподавателя. Как заявляли идейные члены президиума, «студенчество в своей сознательности растет с каждым годом и в общей своей массе к делу оценки работы преподавателей может подойти только деловито»⁵³.

К концу 1920-х гг. с политикой свертывания НЭПа завершается период относительно мирного и спокойного сосуществования научной интеллигенции и советского общества. Как отмечают специалисты, «прозвучали требования изъять реакционных профессоров из вузов, заменить их новыми кадрами в строгом соответствии с классовой линией»⁵⁴. В июле 1929 г. рабоче-крестьянская инспекция предложила развернуть досрочную чистку аппарата советских учреждений, в том числе и учебных заведений. Начать предлагалось с политехнического техникума⁵⁵. Это было неудивительно, так как КИТ был некогда первым Кубанским институтом, олицетворяя продуктивность совместной работы «белой» власти и дореволюционной интеллигенции. Далее на очереди были администрации вузов. Накануне 1929/30 учебного года во главе сельхозинститута был поставлен коммунист Карпузи, в составе правления вуза оба проректора также являлись партийцами. Однако изменения на уровне преподавательского сообщества были не столь успешны. Из 24 профессоров только двое были членами ВКП (б). По социальному происхождению рабоче-крестьянскую прослойку имели только четверо. Педагогический стаж основной части ученых составлял от 11 до 20 лет, что указывало на подготовку дореволюционной школы⁵⁶.

Вопрос с профессорско-преподавательским составом был решен по-другому – в виде обличающих выступлений в адрес ученых, которые в конце 1920-х гг. стали систематически появляться в печати. Критика методов преподавания, подозрения в истинности политических взглядов профессуры или изъяны в биографии стали все чаще появляться в передовицах местных газет. Кроме того, к 1930 г. газетные статьи перерастают в обвинительные заявления о сопричастности того или иного ученого к крупномасштабным событиям в Москве и Ленинграде. Разоблачающие процессы по выявлению антисоветской контрреволюционной интеллигенции продвигались по направлению центр-периферия, все более охватывая профессуру местных вузов. Такие пропагандистские меры позволили начать массовое искоренение «буржуазной» интеллигенции, которая за предыдущее десятилетие основала и развивала высшее образование. Так, в 1930 г. последовали обвинения краснодарских ученых в принадлежности к контрреволюционной организации «Трудовая крестьянская партия» (ТКП). По этому делу проходили и в 1930–31 гг. были арестованы профессор Кубанского сельхозинститута И. А. Конюков, А. А. Малигонов, В. Д. Татарин, Ф. Н. Веригин, Н. А. Ленский и др. В 1934 г. подверглись ссылке преподаватели пединститута Р. К. Войцик, М. В. Ключков, Г. Г. Григор, Е. Н. Егоров и др. Они обвинялись в причастности к Северо-Кавказскому филиалу контрреволюционной организации «Российская национальная партия»⁵⁷ (РНП).

Ужесточение мер по отношению к интеллигенции спровоцировало очередной отток ученых из Краснодара в другие регионы страны. Кубань покинули Э. П. Цытович, Г. Ф. Зайцевский, Д. Н. Бекетовский и др. Но далеко не во всех случаях миграция позволяла избежать преследований. Например, Георгий Федорович Зайцевский, заведующий учебной частью Кубанского рабфака⁵⁸ и директор центральной областной библиотеки⁵⁹, покинул Краснодар в 1935 г., переехав с семьей в Томск, где он работал доцентом кафедры русского языка Томского пединститута⁶⁰. Здесь же в 1937 г. Г. Ф. Зайцевский был арестован, а затем расстрелян как якобы участник кадетско-монархической организации «Союз спасения России»⁶¹.

Итак, 1920-е гг. – достаточно сложный период в жизни научной интеллигенции. С самого начала десятилетия наблюдается резкое ужесточение со стороны власти по отношению к ученым, нашедшим свое место в Екатеринодаре. Аресты первых лет (1920–1921 гг.) после установления власти большевиков скорее обусловлены сведением счетов нового руководства с теми, кто сотрудничал с «белым» правительством периода Кубанской республики. Параллельно с ним развернувшийся процесс экспроприации («гольмановщина») – в основном произвол местных властей в отношении зажиточного населения и «буржуазии».

Одна из наиболее выраженных тенденций в жизни кубанских вузов – регулирование качественного состава. За критерий качества брались не профессионализм (в отношении преподавателей) и академические способности (относительно студентов), а идеологическая принадлежность. Состоящие в компартии преподаватели и студенты пользовались большим доверием и благосклонностью со стороны власти. Ввиду этого, взаимоотношения среди коллег в профессиональном сообществе были ранжированы относительно зани-

маемых политических позиций и подчинялись логике «свой–чужой». Как было отмечено выше, власть не могла себе позволить пренебрегать знаниями «буржуазной» профессуры, из-за того, что партийной профессуры еще не было в достаточном количестве.

Определенные рамки дозволенного устанавливались и на уровне «преподаватель–студент». Так как состав благонадежного студенчества увеличивался быстрее в сравнении с профессурой, то именно они осуществляли политический контроль над своими педагогами. Речь идет прежде всего не о прямом давлении со стороны комсомольцев, а о том «символическом капитале», которым оно обладало. Используя свои привилегии, пролетарское студенчество достаточно активно включалось в работу по выявлению «чуждых» как среди сокурсников, так и профессоров, а также написанию доносов на них. Система доносительства довольно быстро и прочно входит в практику как способ борьбы с инакомыслием.

¹ См.: *Смирнова Т. М.* Бывшие люди Советской России. Стратегии выживания на пути интеграции. 1917–1936 годы. М., 2003.

² *Соскин В. Л.* К оценке исторического опыта формирования советской интеллигенции // Интеллигенция в советском обществе. Кемерово, 1993. С. 32–38.

³ *Квакин А. В.* Октябрьская революция и идейно-политическое размежевание российской интеллигенции: теоретико-методологические, историографические аспекты. Саратов, 1989. 316 с.

⁴ *Ермаков В. Т.* О современных подходах к изучению историографии российской и советской интеллигенции // Актуальные проблемы историографии отечественной интеллигенции. Иваново, 1996. С. 41–54.

⁵ *Олейник О. Ю.* Советская интеллигенция в 30-е годы (Теоретико-методологический и историографический аспекты). Иваново, 1997. 139 с.

⁶ *Сибиряков И. В.* Интеллигенция и власть: исторический опыт поиска нравственного компромисса // Интеллигенция и власть на пороге XXI века: итоговые материалы регион. науч.-практ. конф. Вып. 3. Екатеринбург, 1996. С. 14–22.

⁷ *Квакин А. В.* Между белыми и красными: российская интеллигенция 1920-х годов в поисках Третьего пути. М., 2006. 413 с.

⁸ *Квакин А. В.* Идейно-политическая дифференциация российской интеллигенции в период НЭПа, 1921–1927 гг. Саратов, 1991. 236 с.

⁹ *Еремеева А. Н.* Российские ученые в условиях социально-политических трансформаций XX века. СПб., 2006. 186 с.

¹⁰ Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р-229. Оп. 1. Д. 21.

¹¹ ГАКК. Ф. Р-229. Оп. 1. Д. 3.

¹² Там же. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 50, 51.

¹³ Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). Ф. 10. Оп. 1. Д. 152, 266, 364.

¹⁴ ГАКК. Ф. Р-383. Оп. 1. Д. 60, 83.

¹⁵ Там же. Ф. Р-158. Оп. 1. Д. 57.

¹⁶ Там же. Ф. Р-365. Оп. 1. Д. 1106, 1159.

¹⁷ Там же. Ф. Р-365. Оп. 1. Д. 977.

¹⁸ Там же. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 248.

¹⁹ ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 508.

²⁰ ГАКК. Ф. Р-229. Оп. 1. Д. 21. Л. 196.

²¹ *Еремеева А. Н.* Профессора южнороссийских вузов «о времени и о себе» (начало 1920-х гг.) // Русская старина. 2015. С. 63.

²² *Дэвид-Фокс М.* Наступление на университеты и динамика сталинского Великого перелома (1928–1932) // Расписание перемен: очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1880-х–1930-е годы) / Под ред. А. Н. Дмитриева. М., 2012. С. 529.

²³ Красное знамя. 1920. № 47. С. 2.

²⁴ Красное знамя. 1920. № 56. С. 3.

²⁵ ГАКК. Ф. Р-158. Оп. 1. Д. 57. Л. 14.

²⁶ *Лихачев Д. С.* Мысли о жизни. Воспоминания. СПб., 2014. С. 49–56.

²⁷ Красное знамя. 1921. № 34. С. 2.

²⁸ Красное знамя. 1921. № 32. С. 3.

²⁹ ГАКК. Ф. Р-365. Оп. 1. Д. 39. Л. 3.

³⁰ Красное знамя. 1921. № 32. С. 3.

³¹ *Рожков А. Ю.* В кругу сверстников: жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х гг. М., 2014. С. 223.

³² ГАКК. Ф. Р-229. Оп. 1. Д. 18. Л. 15.

- ³³ Красное знамя. 1921. № 32. С. 3.
- ³⁴ ГАКК. Ф. Р-1583. Оп. 1. С. 1–3.
- ³⁵ Там же. Ф. Р-68. Оп. 1. С. 1.
- ³⁶ С 1923 г. Кубанский политехнический институт был преобразован в Краснодарский индустриальный техникум (КИТ).
- ³⁷ ГАКК. Ф. Р-1610. Оп. 10. Д. 87. Л. 137.
- ³⁸ Там же. Ф. Р-365. Оп. 1. Д. 1059. Л. 448–449.
- ³⁹ Там же. Ф. Р-365. Оп. 1. Д. 1106. Л. 123–123об.
- ⁴⁰ Красное знамя. 1920. № 20. С. 2.
- ⁴¹ ГАКК. Ф. Р-365. Оп. 1. Д. 1393. Л. 11–11об.
- ⁴² Там же. Л. 3об–4.
- ⁴³ Там же. Ф. Р-365. Оп. 1. Д. 1106. Л. 84.
- ⁴⁴ Там же. Л. 84–86.
- ⁴⁵ Молот. 1924. № 909. С. 1.
- ⁴⁶ Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. 7. Оп. 1. Д. 161. Л. 12.
- ⁴⁷ ГАКК. Ф. Р-346. Оп. 2. Д. 2287. Л. 19.
- ⁴⁸ ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 508. Л. 1.
- ⁴⁹ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 695. Л. 4.
- ⁵⁰ ГАКК. Ф. Р-346. Оп. 2. Д. 2783. Л. 13–14.
- ⁵¹ Там же. Ф. Р-346. Оп. 1. Д. 1187. Л. 1об.
- ⁵² Там же. Ф. Р-346. Оп. 2. Д. 2783. Л. 165–166.
- ⁵³ Там же. Ф. Р-346. Оп. 2. Д. 2783. Л. 14.
- ⁵⁴ *Еремеева А. Н.* Культурная жизнь Кубани в XX веке. Краснодар, 2013. С. 53.
- ⁵⁵ ГАКК. Ф. Р-226. Оп. 2. Д. 34. Л. 524.
- ⁵⁶ Там же. Ф. Р-226. Оп. 1. Д. 795. Л. 9.
- ⁵⁷ ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 1396. Л. 2.
- ⁵⁸ ГАКК. Ф. Р-346. Оп. 2. Д. 3578. Л. 56.
- ⁵⁹ Там же. Ф. Р-365. Оп. 1. Д. 941. Л. 48.
- ⁶⁰ Подвиг их бессмертен. Судьбы студентов, аспирантов и сотрудников ТГУ в годы ВОВ // Под ред. С. Ф. Фоминых. Томск, 2010. С. 202.
- ⁶¹ Боль людская: книга памяти томичей, репрессированных в 30–40-е и нач. 50-х гг. / Сост. В. Н. Уйманов. Томск, 1991. С. 352.